

У всех троих в руках были вещи. Старшая тётушка Чжао держала корзину, в которой, похоже, лежали яйца и коричневый сахар. У второй тётушки в руках был кусок плотной тёмно-синей хлопковой ткани.

— Старшая тётушка Чжао, вторая тётушка, Юэ-гэ-эр? Заходите скорее! — на лице Юй Бая появилась ровно нужная смесь удивления и радушия. Он отступил, пропуская гостей во двор.

Посадив их в главной комнате, Юй Бай быстро сходил на кухню, налил три чашки горячей воды и в каждую положил щепотку чая, оставшегося от отца прежнего хозяина тела. Листья медленно раскрывались в воде, испуская лёгкий аромат.

— В доме ничего хорошего нет. Тётушки, Юэ-гэ-эр, выпейте горячего чая, согрейтесь, — с улыбкой предложил Юй Бай.

Старшая тётушка Чжао оглядела бедную, но безупречно прибранную комнату, потом посмотрела на Юй Бая с его ясной улыбкой и свободными манерами и мысленно одобрительно кивнула.

Она поставила корзину и мягко сказала:

— Сяобай, не хлопочи. Мы со старостой обходим одинокие и нуждающиеся семьи в деревне. Твой отец и папа только недавно ушли, тебе одному нелегко. Эти вещи — небольшой знак от деревни. Не отказывайся.

Юй Бай не ожидал, что даже в эту эпоху существует что-то вроде помощи нуждающимся. Сам он бедным себя не считал, но всё равно искренне поблагодарил:

— Староста и тётушки зря беспокоились. Спасибо деревне, что помнит обо мне.

Вторая тётушка протянула ткань:

— Весной ещё прохладно. Ткань плотная, возьми и сошей себе весеннюю одежду.

Юй Бай снова поблагодарил и принял подарок.

Чжао Юэ сидел рядом, большими глазами с любопытством разглядывая Юй Бая, и звонко спросил:

— Брат Юй Бай, тебе одному жить не страшно?

Юй Бая рассмешила его непосредственность.

— Сначала было немного страшно. Теперь привык. Да и стены у меня высокие, так что не боюсь.

Так они и разговорились. Обе тётушки главным образом спрашивали, как Юй Бай живёт: хватает ли зерна, достаточно ли дров, не нужна ли помощь. Он отвечал спокойно и достойно — не жаловался ради сочувствия, но и не изображал гордого страдальца.

По разговору Юй Бай понял, что Чжао Юэ — простой, весёлый и открытый гэ-эр. Взгляд чистый, говорит прямо. После людей с масками и сердцами, похожими на соты из тысячи ходов, такой человек Юй Баю очень нравился: всё понятно, без лишних кривых дорожек.

В комнате пахло чаем, раздавался смех.

Юй Бай всё свободнее беседовал с двумя тётушками и живым Чжао Юэ.

За три дня после переноса только вчерашний разговор в семье бабушки Ван дал ему немного расслабиться. Всё остальное время он либо строил планы на будущее, либо отбивался от отвратительных родственников и растущих по деревне слухов. На самом деле нервы всё это время оставались натянутыми.

А до этого были десять лет апокалипсиса, когда каждую минуту приходилось балансировать между жизнью и смертью. Когда ещё ему доводилось так спокойно сидеть с людьми и говорить о повседневных пустяках?

Теперь старшая тётушка рассказывала забавное о предстоящем ремонте оросительного канала, вторая обсуждала, у кого курицы несутся лучше всех, а Чжао Юэ тараторил, как они с братьями лазили за птичьими гнёздами и попали в смешную историю. Юй Бай всё время улыбался. Кажется, обычное тепло человеческого быта постепенно смывало с души одиночество и жёсткость, оставшиеся после апокалипсиса и переноса.

Две тётушки тем временем тоже наблюдали за ним.

Юй Бай говорил и держался уверенно, принимал гостей вежливо, о хозяйстве рассуждал ясно и по делу. Взгляд открытый и светлый. Ни безумной наглости, которую ему приписывали слухи, ни забитости сироты, оставшегося одного, не было. Напротив, чувствовалась зрелость, не по возрасту спокойная, и временами — редкая ясность мысли.

Они переглянулись, отлично поняв друг друга. Одобрение только усилилось.

Тем временем в доме старосты.

Чжао Дашань прикинул время. Жена и невестка уже почти полчаса сидели у Юй Бая, всё нужное наверняка увидели. Если останутся дольше — будет слишком заметно.

Он кашлянул и обратился к Чжао Яню, который во дворе махал палкой, изображая охоту, и к десятилетней Чжао Линь, тихо вышивавшей на пороге:

— Да Янь, Линь-цзе-эр, уже почти полдень. Сходите к Юй Баю, позовите мать, тётушку и Юэ-гэ-эра домой обедать.

Староста не боялся, что эти двое не найдут дорогу. Когда его старший сын уезжал по делам, Чжао Янь часто помогал бегать с поручениями, поэтому каждый двор в деревне он знал.

Весна — время размножения животных. Опытные охотники обычно не убивали крупную дичь, чтобы не вредить популяции. Поэтому в последние дни Чжао Янь лишь иногда ходил в горы: добывал быстро размножающихся фазанов и кроликов для еды или ставил несколько силков.

Услышав приказ старшего дяди, Чжао Янь ответил:

— Угу.

Он бросил палку и направился к выходу. Две большие грозные собаки, лежавшие рядом, тут же вскочили и, виляя хвостами, собрались идти следом.

Это были настоящие волчьи псы, в жилах которых текла кровь горного волка-вожака. Они были на целый размер крупнее обычных деревенских собак, с острыми взглядами и сильными лапами. На охоте они были надёжными помощниками Чжао Яня и почти никогда с ним не расставались.

Чжао Дашань нахмурился:

— Да Янь, тебе только людей позвать, несколько шагов пройти. Да Хэя и Эр Хэя не бери, ещё напугают кого-нибудь.

Главным образом он боялся, что огромные собаки испугают Юй Бая или произведут плохое впечатление.

Но Чжао Янь сразу заупрямился. На красивом лице появилось недовольство. Он большими ладонями погладил обеих собак по огромным головам и пробормотал:

— Они хорошие. Не пугают. Вместе пойдут.

Не дожидаясь новых уговоров, он шагнул за ворота. Да Хэй и Эр Хэй мгновенно пристроились по бокам, тихо поскуливая от радости.

Чжао Линь отложила вышивку и побежала вслед за пятым братом. Она очень любила этого простодушного старшего брата. Пусть разум у него был как у семи-восемилетнего ребёнка, с ней и шестым братом Чжао Юэ он всегда был добр: вкусное тайком оставлял им и, в отличие от уже женившихся или занятых ремеслом старших братьев, никогда не считал малышей обузой и не отказывался играть.

Так двое людей и две собаки направились вверх по деревне к дому Юй Бая.

Во дворе Юй Бая разговор был в самом разгаре, когда снаружи внезапно послышался собачий лай и звонкий детский голос:

— Пятый брат, здесь?

Следом раздался низкий, но по-детски чистый мужской голос:

— Угу. Дом Байбая.

Чжао Янь машинально назвал его Байбаем. Старший дядя говорил, что нужно быть вежливым: когда приходишь к чужому дому, сначала стучи.

Тук! Тук! Тук!

Юй Бай услышал стук, поднялся и сказал:

— Я открою.

Он быстро подошёл к воротам.

Скрипнула деревянная створка.

Яркий весенний свет словно весь сразу собрался на высокой фигуре у входа.

Чжао Янь снова был в тёмно-синей простой одежде. Под солнцем его красивое лицо выглядело особенно чётким. Глаза, чистые, словно чёрный нефрит, не отрываясь смотрели на Юй Бая. В них было чистое любопытство и... непонятный яркий свет.

<http://bllate.org/book/19010/1867562>